

Николай Бондаренко

Болдинский
листопад

Стихи

Санкт-Петербург
– 2012 –

84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
Б 81

В новую книжку члена Союза российских писателей Николая Бондаренко вошли стихотворения, написанные в разные годы на малой родине и других близких его сердцу уголках России.

Бондаренко Н.

Б 81 Болдинский листопад. Стихи. – СПб:
Издательство «Гамма», 2012. – 64 с.
ISBN 978-5-4334-0058-0

ISBN 978-5-4334-0058-0

© Н.А.Бондаренко, 2012

Моё Болдино

БОЛДИНСКИЙ БАЛ

Н.А. Жирковой

Мазурка плещет над паркетом зала,
В разгаре ежегодный званый бал.
Поэт танцует, хмурится устало,
Свет примечает: от похвал устал!

Но что поэту светский шёпот славы!
Другое ищет в лицах и глазах,
Как будто изучает мощь державы
И за беспечным смехом чует страх.

Ох, именинник! Болдино ликует,
А барин... Ну, понятно, он поэт!..
Ах, ах! Смеётся! Подозренья – всеу:
Он дворянин и любит высший свет.

Мазурка плещет, и флиртуют пары,
Выказывая нежность и любовь.
Внушают радость дамы и гусары,
Мечтают губы, обольщает бровь...

Но стоп, мазурка! Объясниться впору –
Наш высший свет бесхитроsten и чист:

Актёр, шофёр, помощник режиссёра,
Сотрудница музея и юрист...

Младое племя бурно рукоплещет,
Воздав навечно Пушкину хвалу,
И Болдино звучит как символ вещей,
И вновь поэт танцует на балу!..

РИСУНОК ПУШКИНА

Купалось солнце тёплое в пруду,
Желтели брызги на траве и листьях...
Но осень знала про мороз-беду,
И чудилась во всём повадка лисья.

Не угадать, о чём молчит вода,
Но есть же, есть счастливые приметы!
Поэт любил, страдал, как никогда, –
«Судьба моя! Откликнись! Что ты?.. Где ты?..»

Уймись, тоска!.. Вон мальчик босиком
Резвится на лужке с дворовой псиной,
Пёс прыгает, мотает языком,
Мальца лобзает, как родного сына.

Гляди-ка, выплывает на лужок
Царевна-лебедь – русская крестьянка!
Под долгим ситцем прячется шажок,
И сердце доброе, и мягкая осанка.

Лохматый визг к царевне подскочил,
Язык, как полоумный, лижет руки...
Пёс лёг на лапы – преданно, без сил,
В больших глазах любви собачьей муки...
«Ведь это я! Мой профиль! Мой оскал!
Скорей к столу, пока сюжет на мушке!..»

Поэт собачью морду начеркал
И бакенбарды – знайте: это Пушкин!

ОБЛАКА

Ямщик, постой! Ездок твой, видишь, замер,
Позволь ему взойти на облака!
Над лесом белизна, но не холодный мрамор
И не весенняя гремящая река.

Видение сложнее и нежнее...
Онегин и Татьяна?.. Белый бал?..
Там Натали! Гусары рядом с нею...
Гремит мазурка, бант на солнце ал!

Не обмани надежду, не раздумай!
Во всю цветут вишнёвые леса –
В них Болдино! Забудем быт угрюмый,
Откроем рай, земные чудеса!..

Вдруг тени съёжились, и где-то гроыхнуло,
Сверкнул кинжал над капелькой слезы!..
Гони, ямщик! Не в нас ли целит дуло
Нелепой, неожиданной грозы?..

Тяжёлый ливень придавил просёлок,
В болотной пляске скрылась колея,
Долбали молнии дорогу между ёлок,
Метался гром, и хлюпала шлея...

Спасай же, Болдино!.. Оно неподалёку,
Гони, ямщик, каурых, а пока
Я буду думать о грозе жестокой,
Которая затмила облака...

ЛЕГЕНДА

В.А. Шамиурину

Когда июнь ведёт листву толпой,
И лук встаёт воинственно над грядкой,
Приходит в Болдино неведомой тропой
Смешной старик с медлительной повадкой.

Обходит он строения, дворы
Внимательно, не торопясь, не лишь бы,
Как будто видит звёздные миры,
И звёзды в них – господский дом да избы.

Заглянет в пруд и долго так стоит,
Согнувшись над своим изображеньем,
И молвит вдруг: «О многом скажет вид,
И Пушкин любовался отраженьем...»

В саду дворянском сгорбится старик,
Найдёт в штанине записную книжку,
Запишет в ней свой потаённый крик
И сумрачно вздохнёт: «Наверно, слишком...»

Потом в Лучинник бодро побредёт,
К берёзам – уж они-то знают цену!
О прошлом шелестят из года в год
И приглашают путника на сцену.

Взойдёт он, как идут на эшафот,
И от волнения не откроет рот...

Так происходит много-много лет!
Но, говорят, он молод.
Он – поэт.

КИНОПЕРЕДВИЖКА

Что мог запомнить на краю села
Послевоенный городской мальчишка?
А вот, гляди ж ты, в память ворвалась
Из дней истлевших кинопередвижка.

Но как теперь ни напрягаешь лоб,
Что в кузове – не распознаешь сразу:
Кузнец громадный?.. Может быть, циклоп,
Стрекочущий, железный, одноглазый?

Упрётся он в полотнище лучом,
Заманит музыкой, живыми голосами,
Поскачет в прошлое – и с миром, и с мечом,
Под землю бросит, вскинет над лесами.

На этот раз Дубровского привёл –
Помещика соседней Кистенёвки.
Любовь и ссора! Примечайте, мол,
К чему ведут вражда и потасовки...

Погаснет глаз, и расцветёт почёт –
Весь сельский люд зарукоплещет скопом!
Слышь, Болдино! Когда же ты ещё
Одарить Кудеяровку циклопом!..

ХЛЕБОРОБ

Сергею Макарову

Выманивал на волю день погожий,
И радовались ветру мужики.
Земля вращалась, двигались обозы.
Тянули землю к солнцу ветряки.
Ушли в преданье древние моторы,
И слабовато крутится земля.
Уставший пахарь устремляет взоры
На звездные созревшие поля.
Там, на току, издревле густо-млечном,
Мерцает горкой спелое зерно –
Приятно лечь, поразмышлять о вечном,
О том, что нам дано и не дано.
И я как пахарь. Об одном мечтаем.
Раскручиваем старенький ветряк.
Взлетают башни, словно птичья стая,
Туда, где Космос чернотой набряк.
Неспешно приближаются планеты,
Похожие на зерна спелой ржи.
Красиво, броско. Людям нужно это.
Но стоит ли сейчас – на этажи?
Из темноты космической квартиры
Боль не слышна, не виден колосок...

У нас свои космические дыры,
И нужен сверхкосмический бросок...
Снижаемся. Ветряк сажаем в поле.
Детей крестьянских я в охапку сгреб...
Смущен и деловит в полетной роли
Товарищ мой по звездам – хлебороб...

БЕРЕЗЫ

Не правда ли – таинственно?
Не правда ли – загадка?
На белом чистом поле –
Тире,
Тире,
Тире...
Не пестрый березняк,
А странная тетрадка,
Которую читают
Пичуги на заре.
Напрасно я расспрашивал,
Никто мне не ответил,
Никто не знал про тайнопись –
Откуда, что и как...

Неужто нет людей
Талантливых
На свете?
И нам не разгадать
Природы вещей знак?
Однажды я отчаялся,
Сел на траву устало,
Задал вопрос попутчице,
Как задавал не раз,
И маленькая девочка
Отчетливо сказала:
– Березы пижут людям:
«Всегда
Любите
Нас!»
Что ж, версия отличная:
Открытую тетрадку
Должны читать не птицы,
А люди – на заре!..
Не правда ли – таинственно?
Не правда ли – загадка?
На белом чистом поле –
Тире,
Тире,
Тире!..

* * *

Не печальны пока, не встревожены очи,
Удивляют глубокой своей синевой...
Всё влюблённо раздарит счастливая осень,
Всё раздаст, не оставит себе ничего.
Только жаль: омрачится редчайшее счастье –
Ведь не каждый безмерную щедрость поймёт.
И тогда зашуршит листопадное платье,
И тогда уходящая осень всплакнёт...

Село Апраксино

ЭТЮДЫ

1. Туча

Постучала туча
Синим костылем,
Сыпанула туча
Острым хрусталем.
Был отменно метким
Ледяной удар.
Зашнырял по веткам
Солнечный радар...
Вновь удар могучий –
Бьет листву картечь...
Громыкнула туча,
Обронила речь:
«Мне ли слыть зловещей
Среди взрывов зла?
Могут быть похлеще
На земле дела!
Я уйду красиво,
Как лесная рысь,
И оставлю диво –
Голубую высь!»

2. После грозы

Завозились совы,
Спрятался испуг.
Забрели коровы
На побитый луг.
Пробуют буренки
Лужи там и тут
И подойник звонкий –
Терпеливо ждут.
Где же вы, доярки –
Ситцевый платок?
Фартук бело-яркий?
Очи – синь цветок?
Лакомство – горстями?
Те, кто для коров
Кажутся гостями
Из других миров?..

3. На ферме

Паники – не надо!
Лес – недалеко.
Отыскали стадо,
Взяли молоко.

Напустили поила,
Набросали корм.
Чем плохое стойло?
Выше всяких норм!
Жуйте понемножку,
Ублажайте слух –
Слышите? В гармошку
Заиграл петух.
Скоро выйдет месяц,
Выставит рога
И к утру намечет
Нежных звезд стога...

АПРАКСИНО

В пшеничном поле избяная весь –
Моя присуха, древнее наследство...
В мечтах неясных я блуждаю здесь,
Как талисман, ищу осколок детства.
Тропинка забегает на погост –
Приводит внука к молчаливым предкам...
Над лесом радуга – в миры иные мост,
И луч звезды – вселенская разведка.

Как мы живем? То скудно, то никак,
Но я, пацан, не думаю об этом.
На речке, знаю, чертов палец* – знак,
И что-то значит долгая комета.
Назойливо гремит грачиный грай,
Обычный гвалт – пронзительный и тяжкий,
Не хочешь жить – ложись и помирай,
А хочешь – раскрывайся, как ромашки!
Их много поселилось вдоль дорог,
Я к ним тянусь, но парк предпочитаю,
Сквозь заросли иду, как на урок,
И старым липам Пушкина читаю.
Они поэта видели живым
И берегут его смешливый голос...
В речах листвы услышите и вы
Стихи о том, что чаша раскололась,
А в ней... Что в ней? Не разобрать слова,
Авось, узнает молодое племя
И разглядит: могучая трава
За сто веков забрасывает семя...
И мне бы фантастический билет,
По звездам побродить не понарошку
И, вновь вернувшись через сотни лет,
Услышать грай и русскую гармошку...

* Отшлифованный камешек правильной конической формы желтого цвета.

ГАРМОНЬ

С проселков нестареющих небес,
Где издревле скитаются селяне,
Свалился дух, как шаловливый бес,
И отыскал свой выползок в чулане.

Ворвался дух в ребристые меха,
Завлек в избу приезжего мальчишку...
Ударил воздух, брызнула труха,
Лад отозвался удивленной мышкой.

Бутоном пробуждался каждый звук,
И вдруг такая распустилась нота –
На тонкой нитке обалдел паук
И расхотел преследовать кого-то.

А за сосновой новенькой стеной
Старик лежал с горящими очами –
Он на лужайке танцевал с женой, –
Ах, как плескала Любушка плечами!

Дух изловчился, перебрал лады,
Земле и небу беды не мешали...
И облака, как вешние сады,
Уставших в путь-дорогу приглашали.

ПРЯЛКА

Кудель серебрится на синем сукне,
Вращаются спицы в зените...
Лазурь понемногу темнеет в окне,
И тянутся теплые нити.

Старается небо, работа кипит,
В траве шелестят веретена...
И чудится пряхе то цокот копыт,
То буйная радость бутона.

КОСА

1.

Во зеленых закромах
На сенной охоте
Срезал сажень размах
Гнездышко в осоте.

Распечалился мужик,
Поминает птаху,
Вдоль железа – вжик, вжик, вжик!
Кажет кукиш страху.

Лебедой цветет беда,
Осыпает зерна.
По утрам трава седа
После ночи черной.

«Вон с покоса, черт косой!
Схоронитесь, злыдни!
Я и сам иду с косой,
Да не против жизни.

Я не стану болью ныть,
Справедливость – где же?
Мне бы кровь пичуги смыть
С тонкого железа!

А не то отгложет ржа
Кровяную кромку,
Не останется ножа
Дальнему потомку...»

2.

Не осталось мне ножа –
Дальнему потомку,
Отглодала жадно ржа
Кровяную кромку.

Мир – иной, и я – иной,
И не те покосы,
Вознеслись над стариной
Ядерные косы.

Мне орать бы всем привет,
Обнимать всех рьяно,
Но ведь солнышко в траве
Стынет, как подранок...

Поле звездное – как встарь.
И Земля – как птаха...
Не хвались, лихой косарь,
Саженым размахом!

ВЕТРЯКИ

1.

За плечами жизнь – короткий сполох...
Запишусь, пожалуй, в старики!
Я уж был, когда в российских селах
Век свой доживали ветряки...

2.

Упираясь в пахоту клешнями,
Нахлобучив деревянный шлем,
Ветренными солнечными днями
Шлемоносцы помогали всем.

Помню, на задах –
Угрюмый, тихий,
Взмахом подавал сельчанам знак...
Жернова крутил и на Волчихе
Коренастый, как моряк, ветряк.

Жил еще – над самой речкой Салей...
Но отвыкли от муки дома:
Чтобы дни обилия настали,
Разоряли даже закрома.

Вот и погибали исполины
Хлеборобных, дедовских времен –
Будто доносился из трясины
То ли скрип тягучий, то ли стон...

3.

Как не рассказать об этом внукам!
Как не воскресить забытый миг:
Раскрутив пропеллеры, без звука
Ветряки умчались в царство книг!

И живут теперь в волшебных сказках
Вроде бы не наши добряки,
С крохотным винтом на острых касках –
Короли здоровья и муки.

РУКИ

Моему деду

Домовитые руки не забыл до сих пор
В отсыревшей клетухе проржавевший топор.
Топорище садилось в богатырскую длань,
А слепящее солнце – на железную грань.
Помнят ржавые жала покалеченных вил,
Как недюжинный вскид тучей сена дивил.
На закате видала возле хлева ветла:
Коровёнка Авторька гордо вымя несла
От пылящего стада, по седым облакам,
Наливные соски благодарным рукам...
(Так уж вышло, хозяйюшка тяжко слегла,
И досталась кормильцу не только игла,
Приналадились руки и доить, и варить,
И надежду дарить от зари до зари).
Работающие руки – самый стоящий клад, –
В обогретой избёнке и достаток, и лад.

Но о даре не помнишь, коль размашист, здоров,
Да соседи косятся на мозаику дров.

А случись...

И случилось: новый стан не зевал,
Непривычные пальцы барабан разжевал.

Покатилось зерно из мутнеющих глаз,

И кровавая правая кинулась в пляс...

В мужике поселился и трясун, и левша,

По далеким кровинкам засвербила душа.

Вот бы деткам приехать –

в дом родимый! Гуртом!

Но устроенным, сытым...

Что в хотенье пустом?..

Все же стонет обрубок и трясет карандаш,

Выпуская на волю стариковскую блажь...

Балалайка играла – и трудилась рука,

И кривилась от боли, и ершилась строка.

Балалайка играла, потешая избу,

И однажды устала – приумолкла в гробу.

День промозглый, свистящий,

по-осеннему злой,

Не позволил проститься с облетевшей ветлой.

Увозила телега мужика на века,

И вослед трепыхалась ветла, как рука...

КОСТЯ

Ой, гуляли робяты где-то в ближнем селе –
Огурцы из кадушки да первач на столе.

Не плясали, не пели, а затеяли спор,
И косился недобро из-под лавки топор.

Разодрались гулёны, расползлись кто куда,
А двоих-то в телеге закачала езда.

Едет люлька по кочкам, мягко шлепает конь.
Изогнулась вдруг плетка, в крупп вонзила огонь.

Из колдобин коняга в небо выпростал шаг,
Махом вынес телегу на Апраксин большак.

Потащила телега угрожающий гром, –
Шустро прянула бабка, оскользнулась с ведром.

Ну а Костя-то, Костя – он не может уйти –
Носит ватные ноги богатырь лет с пяти.

Он застыл на дороге, гонит вон немоту,
Костя песни слагает, звуки нянчит во рту.

Вскинул голубем голос, не заметил снаряд,
Возмнивший дополнить черный свиток утрат.

Ой как крутит над крупом огонь кусачей змеи!
Но коняга взбрыкнулся и сошел с колеи.

Не задели оглобли, мимо – два колеса!..
Бабка крестит дорогу: «Бог творит чудеса!»

Костя выдавил голос в необъятную грусть:
«Ой ты, горюшко-горе, ой ты, матушка Русь!»...

В АДАШЕВО!

Нас обгоняют гривы и рога,
И провожают мордочки из норок...
Мой дед и я спешим через луга
В Адашево – на ярмарочный взгорок.

Исчезнет дед в кочующей толпе
Среди телег, горшков и животины,
А мне куда? Конечно, по тропе –
Смотреть живые сельские картины.

В разбитую церквушку загляну
И удивлюсь высоким сильным травам:
До нимбов дотянулись – ну и ну! –
И росписи украсили кудряво.

Тогда не знал я: вечность дорога,
В ней, уходящей, каждый шорох дорог...
...Мой дед и я спешим через луга
В Адашево – на ярмарочный взгорок.

КОЛОДЕЦ

*«В Апраксине целебный
наш колодец рухнул...»
Из письма сестры*

Потоки моют скрытые кряжи
И спят устало в глиняной колоде,
Пока не докопается мужик
И не одарит именем – Колодец!

Тогда-то радость зазвонит ведром,
Откроет звезды и людские лица...
Твой путь осмыслен – ты пришел с добром
И здесь готов навеки поселиться.

Но чахнет свет, когда издалека
Глядит потомок, важный, жадноватый, –
За просто так не кинется рука
Порушить гниль и вытесать заплаты.

Колодец проскрипит десятки лет,
Худые ожидая перемены...
Вдруг гроыхнет разъеденный скелет,
Сползут в родник подточенные стены.

Вода вернется в скрытые кряжи,
Замрет устало в глиняной колоде
И всхлипнет горько: «Ладный был мужик!..
Ушел хозяин – и погиб Колодец...»

ОСЕНЬ В АПРАКСИНЕ

Как зябкий гость из пальмовых краёв –
От ветра ледяного чуть живая...
Но грянет тишь – и тёплых воробьёв
Берёза на лужок переливает.

В кустах упругих звенькают ключи,
На горке озимь греется беспечно,
В просторной сини вяжут сеть грачи,
Поймать надеясь ясный день навечно.

За речкой Салей – яркий листопад,
Отлётный грай и вековые гнёзда...
Посланными шуршит дворянский сад –
Торжественный, как пушкинская ода.

Пытливый взгляд в окошке не зачах,
Мысль вызревает – часто непростая...

ПРО БАЯН

Ах, баян ты мой, баян,
Непоседа и буюн!

Ну зачем ты заиграл
И народ вокруг собрал?

Или чья, скажи, вина,
Что опять идёт она?

Будет петь и танцевать,
И шутить, и волновать!

А потом, в ночную тишь,
Ты, баян мой, загрустишь.

И не дашь, баян, опять
Ненаглядную обнять.

Поглядит она с тоской,
Когда сядем над рекой.

Нет, баян, сегодня, слышь,
На скамейке полежишь.

Мы пройдемся до плетня,
Ты лежи и жди меня.

Но о том, баян, смотри,
Никому не говори!

ЛАПОТЬ

В ясной сини парит НЛО –
Смотрит город, дивится село.
Шелестит шепоток-лопоток:
«Божье лыко!», «Хорош лапоток!»
 «Это те не Матрену лапать....»
 «Не фуфло – настоящий лапоть!»
 Ай, снижается круче и круче!
 Носом клюнул навозную кучу!
На дровах зацепил туесок,
Завертелся, шмыгнул за лесок....

И такая, скажу, дорогие,
Горожан затрясла ностальгия!
Горемыки метались, рыдали,
Утверждали, что их, мол, предали.
Кто-то сжалился: «Ехайте к нам!»
Приумолкли. Пошли по домам.

ДЕРЕВО

О, нож спасительный древесного врача! –
Пластическое чудо для полена,
Сокрывшего и трель, и грай грача
И не желающего гибельного тлена.

Ты не старайся лаковой бронёй
Блеск навести и накрутить красоты –
Всё умертвит слащавый жуткий зной,
И мир узнает, усмехнувшись, кто ты.

Оно само расскажет о себе,
Почувствуешь союз с Землёй и Небом,
В замысловатой кольцевой резьбе
Талантливо проступят быль и небыль.

Рассветно вспыхнет день желанный твой,
И растворится серый и ничтожный,
А мотылёк, лохматый и живой,
Прошелестит влюблённо: «Ты художник!»

ПЛАЧ ПО ОСВИСТАННОМУ ТЕНОРУ

О, как он пел!
А что творилось в зале!
Овации витали в небесах.
Поклонники до неба доставали,
Качая самородка на руках.
Он так изящно мог живое тронуть
И что-то непонятное задеть –
Не удержаться никакому трону,
Ни магу,
Ни волшебной бороде.
Красиво, мощно колосился колос,
И вдруг беда –
Осыпалось зерно!..
Сорвался в пропасть золотистый голос,
Осталось то, что каждому дано.
Зал заревел, затопал, зашушукал:
«Бессовестный петух, вон со двора!»
Ни тёплый взгляд, ни дружескую руку
Не уловить...
Всё, время умирать!
До смерти дотянул он еле-еле,
Мерещилось:
«Добей его, добей!»
Но соловей в могилу сыпал трели,
И крылышками хлопал воробей.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

«Царевна, здравствуй!
Кланяюсь мечте! –
Закат разворошила мысль шальная...
Да, понимаю –
Мы давно не те.
Я не ищу виновных,
Вспоминая.
Росли мы своенравными детьми,
А я, вдобавок, донельзя наивным.
За друга в драке шлёпался костями
И думал о высоком непрерывно.
Какой-то тайный чёрт меня достал –
Я странно жил – высматривал улыбку,
Но сеял скуку голубой металл,
Шаги побега заглушали скрипку.
Надежда гладит по головке – жди!
Куда ты?.. Почему... – Но нет ответа,
Уныло, без тепла уходит лето,
Метут дожди, и что там впереди?
Мечтает лист красиво приземлиться,
Летит надежда в лужу кувырком...
Мелькают листья, как чужие лица,
Но лишь с одним я трепетно знаком...

И лишь его хочу упорно видеть,
И даже ночью любоваться им...
В окно спящее упрашивал я: "Выйди!
Ну хоть минутку вместе постоим!"
Прости за откровение, царица,
Прими поклон седого старика.
Он понимает –
Хныкать не годится –
И ставит точку в небесах.
Пока!»

ДВА ДЕДА

1.

Зело суровым был отец отца!
Детей к работе
Взнуздывал с рассвета,
Учил и придирался без конца,
Три шкуры драл он
И кормил за это.
Алеха с Федькой стерегли овец,

Бродили перелесками и лугом,
Петра с Иваном
В поле брал отец,
Попеременно с ними шел за плугом.

Жене и ребятишкам мал-мала
Он люто запрещал водиться с ленью,
Указывал на срочные дела –
Двор подмести,
Перетаскать поленья...

Дед никогда веселым не бывал,
Но мог часами рассуждать с гостями,
Фуражку фронттовую надевал,
Кресты за храбрость
Возносил горстями.

Шабры дивились:
Вот, простой мужик,
Крестьянствует от солнца и до солнца,
А как земле-Отечеству служил,
Как на войне осаживал японца!..

Выносливость, смекалку он ценил,
Не признавал постыдных отступлений,
И за детей боялся:
Вдруг они
Его стезе натруженной изменят...

Так и стряслось:
Большой семейный воз
Недвижно встал...
Хозяин зря метался:
Подались дети напрямиком в колхоз,
Отец единоличником остался.

Пропало все, добытое трудом...
Но дед ворчит, худую лямку тянет...
И доворчался:
Отобрали дом,
А отщепенца выдворили в баню.
В Москву удрали двое сыновей
(Сметливые подростки не зевали!),
А двух других,
Покладистых кровей,
Однажды поутру арестовали.

Пропал и сам неугомонный дед –
Несдавшийся, с непонятой виною...
Ходили слухи: отыскался след!
Но след неясный выжжен был войною.

2.

Другой мой дед судьбу не бередил,
Хотя осанкой был ничуть не плоше,
Он землю так же истово любил
И свел в колхоз
Единственную лошадь.

Он слышал много радостных вестей,
Но канули они в земной юдоли, –
Дед с пониманьем провожал детей,
Которые искали лучшей доли.

«Ну что же, Шура... Будешь ты врачом,
И в городе, поди, хватает боли...
А я останусь навсегда грачом
На вспаханном весной
Крестьянском поле...»

«Ну что же, Петя... Ты желал давно...
Кому-то нужно запрягать и небо.
А я с цепом отправлюсь на гумно,
Ведь даже летчик
Не живет без хлеба...»

«Ну что ж, Мария... Не могу держать...»

«Ну что же, Нина, ведь и ты мечтала...

А я останусь. Мне ответ держать

За урожай...

Дождей-то нынче мало...»

До самой дряхлой старости своей

То в небо он глядел, то на дорогу,

Но путь обратный выжег суховой –

Не возвращались

К отчему порогу...

Зато уж букву каждую

В письме

Высматривал он слабыми глазами

И знаки счастья различал во тьме,

И кроплял стыдливвыми слезами.

А письма шли –

В забытый край земли,

Он четко представлял родные лица...

«Да разве б дети выстоять смогли,

Когда бы не родимая земля!..»

Растроганный, спешил он в огород,

Смородиновый лист блаженно нюхал,

А в гулком небе вился самолет,

И веяло с полей пшеничным духом.

3.

Два деда, две далекие судьбы...
Что мне до них, сидящему внуку?
А помню ведь: у брошенной избы
Я поскользнулся –
Дед подал мне руку.

Сказал он хитро: «Подружись с травой!
Она надежнее медвежьей шкуры...»
Он все шутил,
И так кричал совой,
Что в суматохе разбегались куры.
Он каждый кустик примечал окрест
И чуял грозовые перемены...
Вот и сейчас – в могиле он,
А крест
В мир выставлен, как чуткая антенна.

Не потому ли я
В любой избе,
И на лугу,
И в зарослях осоки
Неотвратимо чувствую в себе
Какие-то неведомые токи?

А вместе с ними бьются сквозь навет
Другие токи...

Понял я не сразу:
Меня пропавший беспокоил дед,
Которого я знал лишь по рассказу.

В конце концов он оказался прав:
Не принимал крутые перегибы...

Так чем же плох

Прямой, открытый нрав?

Твой предок не унизился!

А ты бы?..

Ломал он, как подковы, рубежи,

Он был герой – таких не забывали:

Внесли навечно в Книгу,

Что лежит

В самом Кремле,

В Георгиевском зале.*

В наш трудный век,

Когда лютует зло

И нам, как никогда, нужна победа,

Я думаю:

А мне ведь повезло –

На выручку спешат

Родные деды!

«Цвет воинской славы», 4-ая книга, стр. 286

ПРИТЧА О ДОБРОТЕ

Маме

Устала Доброта, не всё – во благо,
Отвлечься бы, да шастает беда:
В родник вонзилась хищная коряга,
Птенец ершистый выпал из гнезда...
Младенца – в люльку, хищницу – в чашобу.
Что там еще?... Ползет по ниве дым...
Гремят стволы, выплевывая злобу,
И гибель голосит на все лады!..
«Опять ты здесь, безумная старуха! –
Злорадный крик не дремлет на посту.
Пинок. Удар прикладом. Оплеуха...
Вышвыривают в поле Доброту.
Пришла в себя, нащупала дорогу
И разглядела странницу с мешком –
Несчастливая согнулась, ждет подмогу,
Далёко ли уйдешь таким шажком!..
«Давай поклажу, будет веселее.
Доставлю! Человек живет трудом...
Согбенных – только черствый не жалеет,
А Доброта всегда ведет в свой дом».
Доковыляли. Странница довольна:
Стол дармовой – досыта ешь и пей.
Постель нежна, для сна удобна больно...

Вцепилась гостя в радость, как репей.
Второй мешок приткнула к изголовью –
Привычно копит сладости стола
И слышит пониманье: «На здоровье!
Ты бесприютна и голым-гола!»
Но подвела хозяйюшку наивность:
Прогрызли мыши первый-то мешок,
Скатился сыр, напомнив про взаимность,
А россыпи конфет вогнали в шок...
Померкло солнце в неземной светелке,
Под теплой печкой домовой завыл...
Вдруг нелюди ворвались, словно волки,
И грозный предводитель объявил:
«Посмешище веков изгонит плетка,
Кому нужна такая доброта!
Здесь будет жить красивая молодка,
Старухе бесхребетной не чета!»
Вошла царицей яркая замена,
Что говорить – особа хороша!
Высокая, прямая, как полено,
В глазах замерзла мутная душа...
С тех пор не встретишь щедрого изгоя,
Хотя следы находят здесь и там...
Вспоминанье, сердцу дорогое,
Скитается по кельям и скитам...

БОЛЬНОЕ ЭХО

БЫЛЬ

1.

Он не заметил, как подкралась старость,
Сморщишила, одела сединой...
Но старость, он твердил, ему не пара,
Считал он юность вечною женой.
Всегда он мыслил так витиевато,
Ведь был в душе художник и поэт,
Слагал стихи высокие когда-то,
Терпел закаты и любил рассвет.
Да, у поэтов странная житуха –
Ты должен верить, устремлённо ждать, –
Потом напьёшься, если в горле сухо,
Умей и сострадать, и побеждать.
Но седина толкает на итоги
И боль земную не даёт предать,
Свербят всё чаще лица и дороги,
И то, что нужно дальше передать.
Оценивая жизнь большую сзади,
Он видел звездопад как годопад...
И вот в глаза поэту глянул дядя,
Почивший скорбно двадцать лет назад.

Взгляд спрашивал: давно в деревне не был?
Как сын мой Колька, ладно ли живёт?
Хватает ли ему плодов и хлеба?
И телезрелищем доволен ли живот?..

2.

Иван Иваныч!.. Всколыхнулись тени,
Нарисовали простоватый лик –
Взгляд чистый, подозреньем не заденет,
Да не постичь, что этот взгляд постиг.
Зато расскажут чёрные мозоли:
Путь человека тяжёк и нелеп...
Но как бывают нежными ладони,
Когда они коню подносят хлеб!..
Подхватит Сокол, шлёпая губами,
Отломьш вкусный, станет баловать:
Боднёт в плечо, задрыгает ногами,
К щеке потянет морду – целовать!
Умнейший конь пожарника, наверно,
Про жизнь хозяина проведал, как никто,
Он знал, когда Ивану было скверно,
И часто слышал горькое «За что?».
«За что?» – Иван был первым гармонистом.
«За что?» – Ему доверили «Фордзон»!
«За что?» – Он, правда, не был коммунистом,
Зато намечен в депутаты он!..

Неужто за отца? Тот был героем,
Имел за храбрость высшие кресты,
За жизнь привычную стоял горою,
Сопrotивлялся... Но при чём здесь ты?!

3.

Два конвоира потащили в волость,
Бумагу чистую вручили:
– Понял, вошь? –
Растолковал Ивану властный голос:
– ...а не подпишешь – дня не проживёшь!
Куда деваться! Жить, поди, охота...
Черкнул небрежно, выдохнул:
– За что?.. –
– Соображай. Донёс глазастый кто-то.
Да вот заявка! Полюбуйся – кто. –
Остатки света схлынули мгновенно...
Так это Круглик! Скрытая шпана!..
Он, говорят, размахивал безменом,
И смерть сельчанина – одна его вина...
Теперь, гляди, добрался до Ивана,
Врагом народа сделался Иван!
Какой удар! Какая хлещет рана!..
И соль в неё – обман и Магадан!

4.

Но было сознавать всего большее,
Когда Ивана выгнали взащей, –
Жена вдовой объявлена, а с нею
Детишек двое – кровных малышей...
Что будет с ними?..
Узники молчали,
Не говори, не двигайся – не то...
Потом колёса резко застучали
В виски – что-что-что-что?..
Потом, понятно, – лагерная клетка,
Поскольку ты народу первый враг,
Тебе, злодей, на всю десятилетку –
Железная колючка и барак...
На пересылке всё же вспыхнул лучик –
Иван набрёл на Зайцева, друга!
Дружок был писарем, своим, куда уж лучше,
Когда совсем потеряна башка...
И всё же нарам не умерить нервы,
Острее мысли и больней вина...
А жуткая тревога в сорок первом,
Когда в Россию ворвалась война!..
Да разве б он любимую Россию
От скопища врагов не защитил!
Всё те же мы, хоть времена другие,
Нам хватит и умения, и сил!

Но тупо хлюпало тюремное болото,
Метались мысли, словно волчий вой...
Не торопились открывать ворота,
Не спали вышки, и зверел конвой...

5.

В сорок седьмом наметился исход –
Полусвобода, то есть поселенье...
Он к письмам кинулся, царапал целый год,
Шукал родных – ведь скоро возрожденье!
Открылась радость: брата разыскал!
Тот звал к себе, устроиться поможет;
Отец-герой неясно как пропал,
Но мать жива и дети тоже...
Жена теперь с фамилией другой
И проживает далеко отсюда...
Так к новым дням готовился изгой,
От новизны не ожидая чуда.
И чуда не было. Лишь пятая весна
Ему дала желаемую волю.
Так появилась спутница – жена
И озорной малыш – сыночек Коля.

6.

Поэт в ту пору верховодил в клубе,
Сошёлся с дядей, начал понимать:
Иван Иваныч так сынишку любит,
Как ни одна отчаянная мать.
– Ох, ох, ушибся!.. Ой, не утонул бы!..
Не обожгись, опасный там огонь...
Ел ягоды? А не в крови ли губы?..
Гриб ядовитый. Ты его не тронь... –
Опальный, он робел перед ребёнком,
Униженный, искал погасший свет.
В конюшню уходил и плакал тонко,
Испрашивал у Сокола совет.
Как дальше жить? Опять бездумно верить?
Кому-то пусто, а кому – зело...
Да, он свободен, и открыты двери!..
И хочется в родимое село!..
Он как-то раз посетовал поэту,
Мол, засиделся, где там милый край?
– Ну что ж, – сказал поэт, – не край же света,
Давай поедем, вещи собирай!

7.

Стальные рельсы, пыльные колёса,
Просёлок тесный елями зажат...
Родной Сосновке не было износа –
Дома, сады – как сорок лет назад.

Иван Иваныч впитывал природу,
Внимательно молчал, молчал, молчал...
Пока немного встретилось народу,
Но каждому кивал, кого встречал.
Его изба, увы, не сохранилась –
Лужок крапивный разыскал с трудом...
Но сохранила божеская сила
Когда-то отнятый отцовский дом...
Он кепку скинул, поклонился окнам.
«Как памятник! Отец возвёл не зря...»
Поэт заметил: разлилась по стёклам
Вечерняя добрейшая заря...

8.

Двоюродный браток его приветил,
Созвал к столу старушек, стариков,
И веселее не было на свете
Седых гостей – из прошлого дружков.
Скакал баян, горохом радость сыпал,
Рыдала песня – жутко, под слезу,
Как без коры, ободранная липа,
Как дуб могучий, треснувший в грозу.
Потом Иван храпел на сеновале,
Но с петухами рано рассвело,
Он и поэт, как вся округа, встали
И пожелали рассмотреть село.

Не верилось – Ивана узнавали,
Про первый трактор помнили, про клуб,
Изгоя не забыть – не трали-вали,
Приятно было – он народу люб.
Гость не спешил, – один, другой проулок...
Вдруг обомлел, увидев старика...
Силач белобородый шёл сутуло,
Клюку сжимала сильная рука.
Иван вскричал:
– Тебя узнал я, Круглик! –
Старик смутился:
– Ваня, ты живой?
– Как видишь, не подох, не спёкса в угли,
А что с твоей-то стало головой?
Как чёрт оброс, глаза под мох запрятал...
– Я старый, Ваня, многих постарей...
– Да похитрей! Такой же, как когда-то.
Сбрей бороду, не прячься!.. Слышишь, сбрей! –
Всё, утро кончилось, погасло гостеванье.
Иван Иваныч резанул:
– Домой!
Село моё – теперь одно названье,
Уж лучше по миру с привычною сумой!

9.

Поэт запомнил этот вещий взрыв,
Такое невозможно не запомнить –
Как будто лопнул болевой нарыв
В глубинах общества – в глухой каменоломне...
Поэму бы, роман бы написать!
Но сможет ли, как классики писали?..
Ушла разоблачений полоса,
И, кажется, от критики устали...
В сомненьях сложных потускнел металл,
Да и заржавел в бытовухе скоро,
Пока поэт судьбу свою искал:
Он бросил клуб и перебрался в город.
Теперь поэту звездопад как годопад,
И говорит ему упорно дядя,
Почивший скорбно двадцать лет назад:
«Почаще вспоминай, что было сзади!»
Да вот вопрос – как сын его живёт?
«Не знаю, как... Но стыдно не ответить.
Ну что ж, даёшь в забытое полёт!
Помчусь, как в сказке, на ковре-билете!»

10.

Он понимал: расстались не вчера,
Он убедился: наша жизнь – не поле...
Его встречала мрачная гора,
А не братишка – милый мальчик Коля.

– Пойдём, посмотришь вотчину мою, –
Гора сказала, миновав объятья. –
Подстанция! Я самоличной властью
Энергию району подаю. –
Да, дело нужное. И значит, нужный тон...
От лучшего желать ли лучшей доли!
Иван Иваныч, если видит он,
Судьбою сына должен быть доволен.
Вдоль стрелок, лампочек, гудящих стояков
Вели в дежурку налитые плечи...
Накрытый стол...
– Давай за стариков! –
Налил Иваныч. – И за нашу встречу. –
Хозяин неустанно подливал
И млел перед экраном ноутбука:
– Помощник! Мировая голова!
А в поисках – точнейшая наука.
– А что ты ищешь?
– Да не что – кого!
Конечно, деда. Полный был Георгий.
Что знаем мы о нём? Да ничего!
Кого-то злил он, ну а я в восторге.
Служил мой предок в Нежинском полку
И даже получил французский орден!
А орден не заслужишь на боку...
Ух, дал бы я вредителям по морде! –

В бутылке воздух. Колька бодро встал:
– Пора домой. А по дороге купим. –
Гость возразил, чисты его уста:
– Сперва на кладбище. Бутылка будет вкупе.

11.

Сверкают окна Колькиной квартиры
В пятиэтажке – верх любой мечты!
Но Колька вдруг заныл, что в этом мире
Нет более несчастной сироты,
Он никому, да, никому! – не нужен...
– Как – никому? Семье!.. Жена и дочь!
– Жене хороший нужен, я-то хуже...
И дочка от меня сбежать не прочь... –
Но – тихо! Мир усопший за оградой
Навстречу зрячим выставил кресты,
А это значит – говорить не надо,
О самом главном должен думать ты.
Священная, особенная зона!..
Принизил Колька свой огромный рост,
Перекрестился – истово, с поклоном,
Как память требует и праведный погост.
У входа крест и рыхлая могила...
Поэт узнал эмалевый портрет:
Какой был разговорчивый и милый
Малыш Серёжка!.. Человека нет?..

Вопрос законный:

– Что же с ним случилось? –

Живую истину спрашивал поэт. –

Сломался? Потерял в дороге силы?

– Кому он нужен! – прозвучал ответ.

О, Боже, Сашка?! Старый мой знакомый... –

А он-то почему покинул свет?..

У всех бывают трудности, изломы...

– Кому он нужен! – прозвучал ответ.

Светились на крестах и то, и это имя, –

Кто в буйном зелье, кто в быту сгорел...

Ему бы самому, да вместе с ними... –

Поэт почувствовал, как страшно постарел.

А сын привёл к единственным могилам,

Где мать к отцу недавно прикопал...

Душа у Кольки нестерпимо взвыла,

Он повалился, к холмикам припал,

Заголосил, катаясь с боку на бок:

– Мы были вместе, и у вас был сын!..

Как ты, отец, я ждал: поможет кабы..

Да не дождался!.. Я совсем один...

12.

Старик поэт загоревал от встречи –
Катилось прошлое дымящимся клубком...
Весь мир, ему казалось, искалечен,
Земная боль засела глубоко...
А тут и юность подло изменила –
Ушла к другому верная жена...
Лишь зеркало:
– Не хныкай! Есть же сила!
Ты жив! Жива великая страна!
А если постучит Иван Иваныч,
Не прячь морщин и честного лица,
Скажи, что Колька свято, без обмана,
Не просто почитает мать-отца!
Не просто детям сладости рассыплет,
От радости необычайно тих...
Зато потом он хорошенько выпьет,
Заплачет и помолится за них.

*Нижний Новгород – Владимир
2012 г.*

СОЛНЕЧНЫЙ РЕКВИЕМ

*«... Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem...»*

А.С.Пушкин.
«Моцарт и Сальери»

I.

Кто заказал? Не ты ли, предок древний,
Гуляющий с игривым табуном?
Твоя ли песня в ливневом потоке?
Не твой ли взор в просветах быстрых туч?
Я твой заказ, конечно же, исполню,
Но записать, как Моцарт, не смогу.
Да и зачем? – Торжественные звуки
Запомним ты и я, и все вокруг.
А музыку дождя, травы и листьев
Любовно свяжет многоцветье радуг –
Ведь им природу вековечно славить
И вековечно на весь мир пылать.
Забудутся предательства, обиды,
Заносчивый упрек, рутинный быт,
И поведет родимая тропинка
На заповедный родовой погост.
Порадуют, как в детстве, земляничка, –

Планетным сладким соком налита, –
Дубовый крест над дедовой могилой,
Нетронутый гниением и тоской.
И даже яма, где когда-то церковь
Корнями уходила в глубину,
Крапивою неубитой восхищает –
Там где-то спрятан колокольный звон...
Не беспокойся, мой далекий предок,
Жизнь наша колобродит, как всегда,
И, как всегда, заря цветет надеждой
И верит в добрый путь Святая Русь.

2.

Я солнцу радуюсь, счастливый сын Земли,
восход лучистый и закат люблю, как все
земляне,
Как все земляне, восторгаюсь красотой, до
слёз горюю и спешу на помощь.
В одном, быть может, с кем-то не сойдуся: воз-
вышенно я думаю о смерти.
Да, что поделаешь, безрадостна она, не светит
впереди, а прячется за нами, готовая
настичь в любой момент, неведомый и ча-
сто безысходный.
Ну что же – отдых дать душе и вымостить
дорогу вечной жизни – на то и кладбище,
и похоронный плач...

Когда узнал я, что такое смерть, и обомлел от неотвязных мыслей, стал избегать опасной темноты, и чудился мне скрип и жуткий шорох.

Я догадался: палый громкий лист скрывает потайное движенье! Там, под шуршаньем, в мрачной глубине, вершат работу жернова земные, не год, не два, а миллионы лет перетирая умершую плоть для новых, сильных всходов во Вселенной...

Полсотни лет назад я по Руси бродил и в Юрьеве-Польском случайно оказался. Скромнейший городок на Колокше-реке приветил тишиной и заповедной тайной.

Два имени по улицам вели: древнейшее из них – князь Юрий Долгорукий; велением князя крепость вознеслась, бревенчатые башни и жилища; в Ополе объявился новый град.

Второе имя – князь Багратион, герой войны Двенадцатого года, смертельно раненный в огне Бородино.

Я шел внимательно. Торговые ряды о древней старине не вспоминали. Мошь деревянную истёрли жернова. Лишь бывший монастырь,

не очень старый, о прошлом горделиво заявил – могучей кладкой за глухой оградой, побеленной сторожевой стеной. И вдруг – карета! Княжий экипаж, с резными дверцами и бархатным сиденьем из девятнадцатого века мчится вдаль, а здесь, в тиши музейной, встал на отдых.

Коней уставших выпрягли давно и генерала унесли в светёлку, родня и челядь кинулись к нему, всё поняли и тяжело зарыдали...

Те имена горюющих людей увидел я на кладбище укромном – пестрели на ухоженных надгробьях грузинские слова, как кружева.

Земная глубь, казалось мне, молчала и для работы ожидала ночь. Ведь прошлое свидетелей не любит, а я его искал во все глаза... И здесь не мог не вспомнить о Добрынке* – про старый развороченный погост, разбросанные мраморные плиты, и свергнутые буквы «ер» и «ять». Уж там на славу жернова старались! – Еще чуть-чуть домелют до конца. Умрёт, как в Болдино**, старинное кладбище, и вспомнят ли потомки о костях!..

Да, что поделаешь, безрадостен конец, не светит впереди, а прячется за нами...

* Село Добрынское, Владимирская область.

**Село Большое Болдино, Нижегородская область.

Но всё равно, счастливый сын Земли, я Солнцу радуюсь и восторгаюсь жизнью... И слушаю, как палый громкий лист скрывает потаённое движенье. Там под шуршаньем, в мрачной глубине, вершат работу жернова земные, не год, не два, а миллионы лет перетирая умершую плоть для новых сильных восходов во Вселенной...

3.

Пилот в пикé...
Расскажет черный ящик,
Что не смогли заметить пастухи...
Найдёт ли кто-нибудь
Во тьме летящей
Мой черный ящик,
Пишущий стихи?
Нет, не найдет.
Нас много, слишком много,
Безвестных самописцев –
Звездных глаз...
Храни поэтов,
Троеперстье Бога
И Солнце –
Нестареющий алмаз!
Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

Моё Болдино

Болдинский бал	3
Рисунок Пушкина	4
Облака	5
Легенда	6
Кинопередвижка	8
Хлебороб	9
Березы	10
"Не печальны пока..."	12

Село Апраксино

Этюды	13
Апраксино	15
Гармонь	17
Прялка	18
Коса	18
Ветряки	20
Руки	22
Костя	24
В Адашево!	25
Колодец	27
Осень в Апраксине	28
"Мы похожи, смеюсь..."	29
Про баян	31
Лапоть	32

Навеяно листопадом

Дерево	33
Плач по освистанному тенору	34
Неотправленное письмо	35
Два деда	36
Притча о доброте	43
Больное эхо	45
Солнечный реквием	58

Бондаренко
Николай Алексеевич

БОЛДИНСКИЙ ЛИСТОПАД Стихи

Подписано в печать 20.07.12. Формат 60x90 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Суг. Усл. печ. л. 1,85. Тираж 150 экз.

Издательство и типография ООО «Гамма».
191119, Санкт-Петербург, наб. Обводного
канала, 87